

Он мне не приятель, а друг. – Неприятель занял выгодную для него позицию.

Соотносительность слов, имеющих в своем составе отрицательную приставку, с отрицательно-утвердительным союзом еще требует своего изучения.

Отрицание связи в сочинительной конструкции следует отличать от отрицания равноправного компонента. Отрицание связи между общим элементом и равноправными компонентами существует тогда, когда отрицание имеется в равноправном компоненте. Например: *Коля не рисовал и не читал.* В этом предложении отрицается связь между мальчиком Колей и действиями «рисовать» и «писать».

Такого отрицания связи (общего элемента с равноправными) нет в конструкциях с отрицательно-утвердительными союзами, потому что в них отвергается не связь, а сам равноправный компонент. Ср.: *Коля не рисовал и не читал. – Коля не рисовал, а читал.*

Отрицание в первом предложении предполагает какое-то занятие или времяпрепровождение: читал, рассказывал, гулял, играл и т.д. И это самое общее утверждение имеет смысл. Отрицание во втором предложении принципиально другое. В нем отвергается не только связь Коли с рисованием, но и рисование вообще, потому что на место этого ложного мнения собеседника ставится вполне определенное: Коля читал. Подтверждением этой мысли о разных видах отрицания (союзом и средствами равноправного компонента) и мысли о том, что отрицательно-утвердительный союз не выражает отрицательной связи между общим элементом и равноправным компонентом служит то, что эти два вида отрицания легко сочетаются друг с другом.

При анализе отрицательной связи между компонентами сочинительной конструкции важен и другой момент: отрицательная связь в сочинительной конструкции, видимо, существует только между общим элементом и равноправными компонентами. Ее нет между равноправными компонентами и обобщающим элементом. Например.: *Мы не жалели ничего: ни издержек, ни попечений* (Тургенев).

Наличие нескольких средств и способов выражения отрицания в сочинительной конструкции – явление достаточно частое. Эксплицитные средства выражения отрицания свободно сочетаются с имплицитными. Например: *Кнышихи не видать: то ли в хате, то ли нет дома* (В. Нестойко).

Здесь имплицитное средство выражения возможного отрицания выражается союзами *то ли...то ли*; эксплицитным средством выступают частицами *нет, не*.

Эксплицитных средств выражения отрицания может быть несколько. Самый интересный случай здесь – почти обязательное основное средство отрицания (частицей *не*, словом *нельзя* в общем элементе) и неосновное средство – союз *ни...ни*. Например: *Я не имею ни причины, ни желания противиться вашим намерениям* (Тургенев).

Т.Г. Трофимович

(Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В АРГУМЕНТАЦИИ ИХ СТАТУСА В ПЕРИОД КОНЦА XIV – XVII ВЕКА

Известно, что в историческом языкознании традиционного толка период с конца XIV до конца XVII века считается временем существования самостоятельных восточнославянских языков донационального периода, которые возникли в результате распада древнерусского (общевосточнославянского) языка [1; 531]. Старорусский, старобелорусский и староукраинский языки стали языками трех братских восточнославянских народов, а время их существования рассматривается обычно как один их этапов истории современных русского, белорусского и украинского языков [2; 11].

Сложившееся в истории восточнославянских языков представление об их поэтапном развитии (древнерусский > старорусский, старобелорусский, староукраинский > русский, белорусский, украинский), как правило, у лингвистов принципиальных возражений не вызывает. Сами же термины с компонентом *старо-* предметом споров становятся нередко. Применительно к старобелорусскому языку оспаривается не только термин, но и сама сущность того, что он называет.

Термином *старобелорусский* в русской и белорусской лингвистической традициях называют язык, функционировавший в эпоху Великого княжества Литовского, в XV–XVII вв., генетически родственный восточнославянским языкам и имевший в качестве своего источника язык древнерусский. В течение почти двухсотлетней истории изучения письменного наследия ВКЛ упомянутый язык, кроме *старобелорусского*, назывался еще *белорусским* (Сопиков В.С.), *литовско-русским* (Кеппен И.П.), *русским* (Греч Н.И.), *польско-русским* (Востоков А.Х.), *западнорусским* (Коялович М.), *древне-западно-польским*, *юго-западно-русским*, *южно-русским*, *юго-западнорусским позднего средневековья* (Виноградов В.В.), «*проста мова*», он имел еще несколько названий, не получивших широкого распространения. Их полный свод в хронологическом порядке содержит работа В.Мякишева «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей» (Studio Russica XVIII; Budapest, 2000).

Можно предположить, что термин *старобелорусский* возник по аналогии с термином *старорусский*, называвшим русский язык соответствующего периода (XV–XVII вв.) и пришедшим на смену классическому термину *великорусский*. Термин *старорусский* в настоящее время активно используется и не оспаривается [2; 11].

Свое название язык должен получать в зависимости от того, черты языка какого этноса он фиксирует. В белорусистике последних десятилетий время возникновения самостоятельных восточнославянских народностей и их языков отодвигается к XIII в. «В XIII в. типичные белорусские языковые черты – явление уже обычное в полоцких и смоленских грамотах» [1; 532]. Следовательно, если удастся доказывать, что многочисленные кириллические памятники письменности, созданные в эпоху ВКЛ, продолжают фиксировать в еще большем объеме «типичные белорусские языковые черты», их язык с уверенностью можно называть старобелорусским. К настоящему времени существует довольно большое количество исследований, посвященных языку памятников старобелорусской деловой письменности. Все они, начиная с работ Е.Ф.Карского, доказывают наличие в этом языке белорусских черт, белорусской диалектной основы. Причем эти черты распространяются на все языковые уровни [3; 187; 4; 5].

Исследователями отмечено, что «специфические белорусские черты проникали прежде всего в памятники канцелярско-юридического содержания» [1; 532]. Признавая это, современные издатели Статута Великого Княжества Литовского 1529 года предлагают называть язык, на котором он написан старобелорусским. Во вступительных материалах к тексту статута в главе «Язык Статута» авторы анализируют предлагавшиеся и предлагаемые названия и приходят к выводу: «Таким образом, остается наиболее приемлемым, хотя и в известной мере тоже условным, название этого языка – *старобелорусский*, по крайней мере, оно оправдано этнологически...» [6; 65].

Условность термина *старобелорусский* понятна: появился он значительно позже времени существования самого языка и претендует, думаем, не обоснованно, на прямолинейную связь с белорусским национальным языком. Б.А. Успенский в одной из своих работ по истории русского литературного языка замечает, что «просту мову» в Московской Руси могли называть литовским или белорусским языком [7; 65]. К сожалению, указания на памятники письменности, где это происходит, не содержится.

Как бы там ни было, полемику вокруг термина можно трактовать по-разному, чего не скажешь о признании факта существования в полилингвизме ВКЛ особого языка

«белорусской ориентации». Существует множество лингвистических аргументов в пользу признания факта, они не одно десятилетие накапливались в русистике и белорусистике. Остановимся на том, как на решение обозначенной проблемы могут повлиять достижения сравнительно-исторической стилистики – одного из актуальных направлений современного исторического языкознания.

Если понимать стиль как совокупность композиционных и языковых способов организации текстов определенного жанра (а именно к такому пониманию склоняются историки языка), то выявление в процессе сравнения и сопоставления старорусских и старобелорусских текстов сходных жанров различий в их стилистической организации будет доказывать самостоятельность отраженных в них языков. Анализу при этом должны быть подвергнут характер различий и их статус в системе стилеобразующих средств.

Работы по сравнительно-исторической стилистике русского и белорусского языков пока единичны. Обратимся к одной из них. В диссертационном исследовании О.А. Климович «Язык и стиль русских и белорусских актов XIV–XVI вв.» (Минск, 2013) впервые разработаны принципы сравнительно-сопоставительного лингвистического исследования, установлен один из возможных способов описания структурно-смысловой организации актов документов, выявлена связь между жанром памятника и системой входящих в него лексико-фразеологических и синтаксических средств. О.А. Климович проанализировано в историко-стилистическом аспекте большое количество старорусских и старобелорусских памятников письменности, на основе анализа получены аргументированные и значимые выводы. Доказано, что синтаксическое своеобразие документов проявляется в функционировании средств связи, в способах выражения главных и второстепенных членов, в распространении отдельных структурно-семантических разновидностей предложений. Автор диссертационного исследования убедительно доказывает, что различия в структурно-смысловой организации актов обусловлены уровнем сформированности оформляющей и содержательной части. Отмечены различия в составе устойчивых единиц и т.д.

Таким образом, работа О.А. Климович доказывает перспективность сравнительно-исторических стилистических исследований, их значимость в том числе и в доказательстве самобытности старобелорусского языка. Если предположить, что работ подобного рода будет много, а исторической стилистике удастся осуществить значимые обобщения, то аргументы в пользу того, что старобелорусский язык не был территориальной разновидностью тогдашнего русского языка, что это был язык, кровно связанный с белорусским языком, появятся и на уровне стилистики.

В системе стилеобразующих средств свое место, как известно, занимают лексика и фразеология. В своих опубликованных работах по исторической фразеологии нам удалось доказать, что старорусская и старобелорусская фразеология существенно отличаются. Приведем еще некоторые наблюдения.

Нами было предпринято сопоставление разделов и глав Уложения 1649 года и соответствующих артыкулов Статута 1588 года, ставших, по мнению историков, их источниками. Такое сопоставление однозначно указывает на то, что язык, на котором написан Статут, существенно отличается от языка уложенной книги и что язык Статута содержит много черт, характерных для современного белорусского языка.

Так, источником главы V Уложения «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские денги» является артыкул 17 первого раздела Статута «О фальшованью монеты, о мынцах и о золотарах». Практически полное содержательное соответствие текстов законов (речь идет о наказании за изготовление фальшивых денег) выливается в существенно отличающуюся языковую экспликацию. Например, в тексте Уложения используется большое количество субстантивно-атрибутивных бивербов фразеологи-

зированной характера: *мастер денежный, мастер золотых дел, мастер серебряных дел, деньги медные, деньги оловянные, деньги воровские, деньги укладные, дело денежное, дело золотое, дело серебряное*. В источнике вместо единиц со словом *мастер* используются слова *золотар, мынцар*, вместо бивербов со словом *деньги* – обобщенное название *монета*. Старобелорусский текст свидетельствует о том, что старорусская единица *учинить убытки* стала соответствием старобелорусского выражения *учинить шкodu*, а старобелорусский фразеологизм *на горле огнем карати* передается в старорусском тексте при помощи устойчивого словосочетания *казнити смертию* и свободного словосочетания *залити горло*, которое эксплицирует в тексте способ смертной казни.

Артыкул 16 раздела первого Статута «Хто бы листы або печати наши и врьдовые фальшовал, чим маеть быти каран» стал источником главы IV Уложения «О подпшицех и которые печати поддельвают». Сопоставление текстов позволяет выявить, например, такие соответствия: *старобел. лист – старорусск. грамота, фальшовать – поддельвать, фальшовать – воровством наряжати, на киталт руки наше подпсать – своим вымыслом подпсать, горлом карати – казнити смертию* и т.д.

Сопоставительный анализ терминологических указателей к текстам Статута и Уложения тоже позволяет отметить их исключительное своеобразие. Так, например, в старобелорусском тексте используются следующие термины на букву *в*: *вазня, валька, варстат, варунок, вдова, вдовый столец, везенье, великий князь, вено, виж, вижованое, вина, внесение, внук, воевода, воеводство, вожы, возный, война, войский, вол, воланье, волока, волость, воля, вотум, врьд, врьдник, втятье, вишеченьство, выведанье, выналязок, выпис, выправа, вырок, выробок, выслуга, выступ, выступца, вязень*. В старорусском тексте находим следующие термины на *в*: *варница соляная, вдова, великая княгиня, вера, верные головы, верста, верстанье, вершенье, вина, винить съездом, виноватый, вину отдати, внук, воевода, воеводство, воинские люди, война, волокита, волость, воля, вор, воротник, вотчина, вотчинник, вотчич, вотяки, вспуды, выбор, вывод, выгон, выимка корчемная, выимщик, выкуп, выписка, выпись, вытчик, выть*. Полные совпадения мы выделили жирным шрифтом, их немного. Налицо исключительное своеобразие словарных составов.

Таким образом, есть все основания считать, что рассмотрение старорусского и старобелорусского языков в аспекте сравнительно-исторической стилистики в состоянии стать существенным аргументом в доказательстве того, что это были вполне самостоятельные языки, функционировавшие в пределах разных государственных образований и генетически связанные с поздними русским и белорусским языками.

Литература

1. Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я.Міхневіча. - Мінск, 1994.
2. Колесов, В.В. История русского языка / В.В.Колесов. – М., 2005.
3. Журавский, А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка / А.И. Журавский // Восточнославянское и общее языкознание. – М., 1978.- С.180-193.
3. Паляшчук, Н.В. Мова “Трыбунала” (1586): Автореф. дис.. канд. філал. н. / Н.В. Паляшчук. - Мінск., 1999.
4. Плотнікаў, Б.А. Кароткая гісторыя беларускай мовы і мовазнаўства / Б.А.Плотнікаў. – Мінск, 2002.
5. Лазутка, С. Первый Литовский статут (1529) / С. Лазутко, И.Валиконине, Э.Гудавичюс и др. – Вильнюс, 2004.
6. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка / Б.А.Успенский. – М., 1994.